

Heuristic Potential of Natural Linguistic Laboratory of Area between the Danube and the Dniester Rivers: the Investigation of the Ukrainian Segment

Andrij Kolesnykov¹

Abstract: A complex, multicomponent in linguistic, dialectal and ethnic aspects region between the Danube and the Dniester rivers is an interesting object for scientists. Ethnographers and linguists compared such areas with natural laboratories. According to author's opinion, heuristic potential of Southern Bessarabia laboratory is faintly used now. It is considered that such region needs further in-depth studying in various positions: comparative-historical, because of the fact that different in origin idioms demonstrate high dynamics, sociolinguistic, areal, functional and etc. Such observation gives a lot of new interesting linguistic phenomena, which are necessary for science and society in various fields, in particular, in practice – in realization of effective and conflict-free language politics.

Keywords: area; language contact; dialect; dynamics; idiom; language politics

Междуречье Днестра и Дуная (Южная Бессарабия, Буджак) характеризует непростая, многокомпонентная, весьма динамичная языковая ситуация. В ареале более 200 лет сосуществуют и контактируют между собой украинский, румынский, болгарский, русский, гагаузский, цыганский, албанский и другие языки. Значительное влияние на эти, функционирующие сегодня языки, на предыдущих этапах их развития в ареале оказали также тюркские и немецкие говоры. Усложняет языковую ситуацию полидиалектность указанных составляющих, их переселенческий характер и переменный во времени и пространстве социальный статус идиомов, в частности, как официальных (государственных), соответственно, более или менее престижных, имеющих или не имеющих наддиалектную (литературную) форму.

Языковеды и этнографы сравнивали этот и подобные ареалы с естественными лабораториями. Например, Н. С. Державин, изучавший в начале XX в. болгарские колонии в России, в частности, в Бессарабской губернии, сравнивает процесс их развития в переселенческих условиях с «естественным этнографическим экспериментом», который «представляет несомненно большой научный интерес», значительно расширяя рамки науки,

---

¹ Associate Professor, PhD, Philological Sciences, Izmail State University of Humanities, Ukraine, Address: Repina St, 12, Izmail, Odessa Region, Ukraine, 68601, Tel.: +38 (04841)51388, Corresponding author: akolesnykov2015@ukr.net.

и углубляя ее методы (Derzhavin, 1914, p. IX). В. М. Жирмунский, наблюдая над говорами немецких переселенцев в России, отмечал большой интерес для лингвистики, который они вызывают не только с фактической стороны, но и с «...принципиальной, методологической: изолированные среди иноязычного населения немецкие поселения являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией...», в которой на протяжении сравнительно короткого промежутка времени «...в обстановке, удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно развертывающиеся на протяжении целых столетий» (Zhyrmutskij, 1976, p. 492, p. 516). По его мнению, сравнивая продукт смешения говоров (новый диалект) с исходными данными (вероятно, материнскими говорами – А.К.), «...мы можем обнаружить механизм процессов языкового смешения, причем методологические выводы из непосредственных наблюдений над современными говорами послужат основанием для заключений по поводу аналогичных процессов в более отдаленные от нас эпохи исторического развития языков»; а первой задачей в ходе такого изучения должно стать именно «грамматическое описание говоров отдельных поселений» с целью определения «родины говора» и сравнения изучаемого говора «с диалектологическими отношениями метрополии» (Zhyrmutskij, 1976, p. 493).

Сравнение полилингвального ареала междуречья Днестра и Дуная с естественной лингвистической лабораторией также стало традиционным и в среде его исследователей (Hrytsenko, 2006; Kolesnykov, 2015; 2016; Delyusto, 2016). Развитие языков в такой этноязыковой ситуации актуализирует ряд лингвистических проблем, обуславливает необходимость разноаспектного изучения контактных идиомов.

В первую очередь, их важно изучать в диахронном и социолингвистическом аспектах, ведь следствием языкового контакта в регионе является высокая динамика идиомов во времени, но, в то же время, некоторые факторы, тоже не до конца изученные, могут способствовать консервации диалектов или языковых явлений. Наблюдение над языками и диалектами ареала может дать новый толчок развития сравнительно-историческому методу языкознания, привести к обновлению, усовершенствованию его исследовательских процедур, разработке новых. Через установление генетической основы новожилицеских диалектов (где это возможно) можно пронаблюдать динамику с момента переселения диалектоносителей, а, благодаря наличию данных исследований этих говоров XX века (Mukan, 1960; Drozdovskij, 1962; Hrytsenko, 1984; AUL, 2001 и др.), можно проследить и динамику более позднего отрезка времени. Тут находим много не описанных доселе новых диалектных явлений. Например, в некоторых украинских говорах буковинско-подольского генетического типа мы заметили трансформацию частицы *май* как средства образования форм степеней сравнения типа *май кра'сивий* в *мей (мей кра'сивий)* под действием аналогии по форме к

интегрирующей в южнобессарабском ареале, являющейся маркером говоров МДД разных языков, заимствованной из румынского языка, частицы *мей* со значением привлечения внимания, обращения (*мей / i'du c'y'du*), неудовольствия (*та мей / в'ід^мче^лнис'*), известной в некоторых буковинских и подольских говорах также в фонетической форме *мой*. Некоторые такие факты способствуют углублению знаний о механизмах динамики структурных уровней языка, обусловленной языковыми контактами. Так, в говорах буковинско-подольского типа поиски генетических маркеров привели к выявлению архаичной диалектной фонетической формы слова *й'іден / йден (один)* лишь в функции местоимения (*а шо то за йден*), в то время как в функции числительного под действием литературного языка и большинства контактирующих говоров украинского языка закрепились форма *один*. Тут следует отметить, что и интегрирующие черты украинских говоров ареала, куда входят многие дифференциальные в украинском диалектном пространстве признаки мешаных южнобессарабских говоров украинского языка, выявленные еще в середине XX в. (Mukan, 1960; Drozdovskij, 1962), тоже по большей части являются инновационными, возникшими в результате смешения разнодиалектных материнских говоров, а наблюдения над новыми трансформациями в моногенетических говорах ареала, в говорах более новой формации (Kolesnykov, 2018b), позволят реконструировать закономерности отбора диалектных черт и их последующей трансформации в процессе смешения говоров.

По-новому в новожилицеских условиях проявляют себя и диалектные черты, которые совпадают с литературным языком, становясь ареально релевантными. Это дополнительно ставит под сомнение устоявшийся в диалектологии дифференциальный подход (поиск только отличительных от литературного языка / других диалектов черт) и дает, тем самым, еще одно обоснование инновационному системному подходу. Так, в украинских говорах ареала на фоне интегрирующих (в пределах украинского компонента) черт южнобессарабского типа выделяется речь переселенцев новой волны из Западной Украины (носителей уже упомянутых говоров более новой формации), в которой, как и в литературном языке, присутствует союз *але*, более последовательны чередования согласных и наблюдается другое ударение в глагольных формах (напр., *хо^джу, во^джу, но^шу, ко^шу, кру^чу; ср. местное *хо^д'у, во^д'у, нос'у, кос'у, кру^т'у*), употребляются глагольные инфинитивные формы на *-ти*, а не *-ть* (*ро^бити*, а не *ро^бить*), более закономерны чередования согласных имен существительных (*при до^розі, на я^линці, у ст^рісі; ср. местное *при до^рогі, на йа^линкі, у ст^р'іхі*), более последовательно употребление форм звательного падежа независимо от дистанции между коммуникантами (*дядьку Антоне*; ср. местное при близкой дистанции *д'ад'ко Ан'тон*, реже *д'ад'ко Ан'тоне* или *д'ад'ку Ан'тон*), но отсутствуют выразительные черты южнобессарабских говоров,**

выявленные в сер. XX в. (Mukan, 1960; Drozdovskij, 1962) и подтвержденные современными исследованиями (Delyusto, 2010; Kolesnykov, 2015; 2016), например, частицы *мей, бре, гата* и др. Таким образом, наблюдение над ареалом заостряет внимание и на соотношении диалектной и литературной форм национальных языков, особенностях их взаимодействия.

В этой связи актуализируются и вопросы соотношения и взаимозависимости территориальных и социальных диалектов, литературной и диалектной форм языков и идиомов промежуточного характера / региолектов, а также разновидностей разговорного языка, смешанных языков, койне, пиджинов и креольских языков, форм и моделей языкового поведения в условиях многоязычия, например, суржика и др.

В частности, невозможно обойти вниманием вопрос соотношения литературного, диалектного языка и суржика. Мы уже отмечали в своих публикациях (Kolesnykov, 2015) со ссылкой на ведущих диалектологов стран постсоветского пространства (Kasatkin, 2005; Hrytsenko, 2012), что наблюдающееся и сегодня в Украине и России негативное отношение к диалектам является следствием целенаправленной языковой политики Советского Союза, в соответствии с которой в «противостоянии» литературного языка, носители его – разношерстный по происхождению, генетически «обезличенный» рабочий класс, и диалектов, носители которых, дескать, – крестьяне-кулаки, должен победить, естественно, литературный язык. Связь в сознании носителей общенародных языков между их литературной и диалектной формами была искусственно разорвана, более того, диалект был объявлен низшей формой языка, обреченной на скорую смерть, а учителя в школах должны были искоренять все проявления диалектов – «бороться» с ними. Безусловно, воспитание поколений, ненавидящих язык своих отцов и дедов, – безнравственно. Но огорчает в большей степени даже не тот лингвальный, моральный и психический урон, который был нанесен обществу в период проведения этой языковой политики, а то, что, по сути, такая идеология и педагогика продолжает действовать в изучаемом нами ареале и сегодня. Учителя, поскольку их так учили, продолжают утверждать что диалект, на котором все еще говорят дети, – низшая форма языка, которую нужно искоренять и называют его «суржиком», «загрязненным языком». При этом, понятие «суржик» употребляется откровенно неправильно: не для обозначения модели языкового поведения, связанной с незнанием одного из кодов при полилингвизме (ср. УМ, 2007, р. 689), или даже своеобразного смешанного языка, существование которого очень сомнительно, а именно как синоним понятия диалект, говор, что недопустимо (Bilaniuk, 2005). Безусловно, понятие «суржик» как инструмент культивирования чистоты языка (мы сознательно отвергаем формулировку «борьба за чистоту») себя в какой-то мере оправдывает, но с ним нужно обращаться крайне осторожно.

Благодаря многолетнему наблюдению над такими фактами в ареале, нам стало совершенно очевидно, что украинский язык (как и другие) выиграет, если, хотя бы на уровне школ, отказаться от ошибочного отождествления диалекта и суржика, объяснять детям истинную взаимосвязь литературной и диалектной форм языка, генетическую первичность диалектов по отношению к другим идиомам в структуре общенационального языка, прививать им уважение и любовь к своему диалекту, а литературным нормам обучать не отталкиваясь от диалектных черт, а опираясь на них, учить детей умению в нужных ситуациях переключать коды (диалектный / литературный).

Наши наблюдения в ареале позволяют по-другому взглянуть и на вопрос влияния диалектного языка на литературный через нормирование. В сегодняшних непростых социально-политических условиях Украины важными целями процесса нормирования литературного языка должны стать консолидация общества, примирение, уменьшение потенциальных внутренних противоречий. Однако единства в понимании этого среди украинистов пока нет. В последней редакции украинского правописания (УР, 2019) большинство новых, хоть и не многочисленных, норм отражают явления и тенденции преимущественно юго-западных диалектов украинского языка. Сам факт пополнения норм литературного языка диалектными, безусловно – позитивный, но, по нашему мнению, крайне важно соблюдать разумную пропорцию в обновлении литературного языка нормами разных наречий. Иначе может возникнуть определенная дискриминация юго-восточных и северных диалектов на фоне преувеличения ценности юго-западных, и уже сейчас спорадически наблюдается извращение восприятия диалектных признаков, когда черты юго-западных диалектов, даже заимствованные из западнославянских и других европейских языков (например, *ровер*, *перепрошую*, *кшталт*), начинают восприниматься как чисто украинские, правильные, а черты юго-восточных, даже архаические и присутствующие в определенной степени в других диалектах (типа *самий красивий*, *нігде*), даже те, которые не совпадают с явлениями русского литературного языка (типа *ходю*, *просю*), автоматически получают клеймо суржика, менее престижного идиома. Таким образом, локальное заблуждение, распространенное в Южной Бессарабии, что «*справжні українці*» – это представители Западной Украины, а мы, мол, бессарабцы, – «*не чисті українці*», а «*хахли*» (Mukan, 1960; Drozdovskij, 1962; Kolesnykov, 2015), фактически приобретает всеукраинский масштаб. Это не способствует гармонизации этноязыковой ситуации уже даже не в регионе, а на территории бытования юго-восточных диалектов и в стране в целом, разобщает граждан, ослабляя украинскую этноязыковую доминантную составляющую общества, и может привести к тому, что литературный идиом, оторвавшись от диалектной основы, станет для носителей южнобессарабских

говоров (да и многих других юго-восточных) чужим (подобные оценки спорадически фиксируем в ареале), а такого быть не должно!

Интересные данные можно получить и наблюдая над взаимосвязью этнического / субэтнического и языкового / диалектного (см. Kolesnykov, 2018a). При этом следует учитывать возможность иногда удивительных трансформаций соответствующих самооценок и внешних оценок (на этническом уровне – эндо- и экзоэтнонимы). Например, еще в конце XX в. проф. А. А. Колесников писал о невероятных, но закономерных сочетаниях в социолингвистических анкетах этнического самоопределения студентов-бессарабцев (как молдаван) и языкового (родной язык – украинский) (LSLDR, 1994). Это подтверждено современными, уже диалектологическими, исследованиями, благодаря которым выявлен ряд сел, где диалектоносители используют только украинский язык (мешанные говоры), а этнически определяют себя как молдаване, например, с. Желтый Яр Татарбунарского района, или же их называют / дразнят молдаванами жители близлежащих сел, например, с. Новая Царичанка Белгород-Днестровского района.

Отдельный важный для языкознания вопрос, материалы для решения которого находим на территории Буджака, – вопрос причин необычайной стойкости, стабильности идиомов и языковых черт (почему те или иные идиомы и черты проявляют стойкость даже в тех случаях, когда все, казалось бы, уже давно должно было привести к их исчезновению), а также этнической / субэтнической стойкости, или же наоборот – причин стремительной динамики. В одних случаях факторами стабильности становятся семейные связи носителей переселенческих диалектов с материнскими говорами. Так, закарпатцы в с. Прямобалка Арцизского района, не являясь абсолютным субэтническим и диалектным большинством в своем селе, и, тем более, в ареале, за более чем 60-ти летний период функционирования новожильческого говора сохранили свой диалект во многом благодаря тому, что активно поддерживают такие контакты, например, на праздники либо родственники из Закарпатья (сел Синевир и Негровец Межигорского района Закарпатской обл.) приезжают к переселенцам, либо они к родственникам. В то же время, генетические закарпатцы из с. Мирнополье Арцизского района (из части села «Банацане», которая называется так, поскольку его обитатели являются переселенцами из Баната, а именно, Румынской части этой исторической области Центральной Европы) удивили нас очень близкой к литературному стандарту разговорной речью. Объяснение столь стремительному переходу на литературный идиом и утрате диалектного находим в рассказах переселенцев. Оказывается, в связи с тем, что их материнский диалект очень отличался от языкового окружения, они становились объектом насмешек: *тут см'їялис'а з нас шо // їа'помн'у п'їш'ла ко'лис'їа в мага'зин / хл'їб куп'л'ала // ну і попро'сила'булку х'л'їба // говор'у'дайте ме'н'ї той / май при'жарений // та розсм'їялис'а з*

мене // бо // май / май / шо це май? // майа нема ше! / шо ти майкайеш? // см'їйалис'а з нас тут (с. Мирнополе Арцизского района). Поэтому, не желая чтобы над ними смеялись, банацане отказываются от своего диалекта и принимают литературную форму украинского языка.

Языкознанию известны и другие интересные факты стойкости одних говоров ареала на фоне стремительной динамики других, сопоставимых. Например, в с. Кубей Болградского района (до недавних пор – Червоноармейское) проживают носители болгарского (62,12%) и гагаузского (26,56%) диалектов. В середине XX в. С. Бернштейн зафиксировал удивительный факт сохранения архаичного, свойственного первой волне болгарских переселенцев, сливенского болгарского говора именно у двуязычных гагаузов села, в то время как в речи местных болгар победил шуменский диалект более поздних переселенцев из Болгарии (Bernshtein, 2000, p. 30).

Очевидно, что языковое поведение индивида-диалектоносителя оказывает влияние на динамику говора. Однако, в ареале это влияние своеобразно, не всегда такое же, как в других, моноэтничных, регионах Украины. В частности, неоднозначно влияют на индивидуальное языковое поведение социально-политические факторы. Например, негативное отношение говорящих к политическим событиям, несогласие с национальной политикой может вызывать эмоциональную вербальную реакцию респондента даже на попытку эксплоратора взять интервью: *їа це гавка'т'ін:'а гет' не хочу слухат' / хоч в'с'у 'жизн' ба'лакала 'т'іки на 'ц'ом со'бачом / а с'їчас наз'ло не 'буду, патал'му шо націона'л'істи / бан'деровц'і* (редуктивный говор с. Надеждовка Арцизского района). Подобные факты не могут не настораживать, но они, по крайней мере, единичны и не являются тенденцией.

Индивидуальное языковое поведение, как компонент социального, усиливает свое влияние на динамику пропорционально его массовости. Так, деструктивное действие на говоры ареала, представляющее, по нашему мнению, серьезную угрозу украинскому языку в Южной Бессарабии, имеет следующая распространенная модель языкового поведения. Жители украиноязычных сел, приезжая в Измаил, где многие говорят по-русски, тем более, если приезжих в школе учили что их говор – суржик, не желая показаться «селянами», отказываются от него как менее престижного идиома и переходят на, по их мнению, более престижный идиом «городян» – русский язык, которого они, однако, не знают в достаточной степени, не учили и который не является для них родным, постепенно становясь, таким образом, действительно носителями суржика.

Диалектологические и социолингвистические (связанные с языковым контактом) исследовательские процедуры не достигают в полной мере своих целей без привлечения пространственного (ареалогического) аспекта. Особое

внимание при этом, как нам кажется, вызывают даже не зоны сплошного распространения и доминирования изучаемого идиома (которые, в силу объективных обстоятельств, не удалось выявить и дифференцировать в процессе создания «Атласа украинского языка» (AUL, 1984-2001), но относительно успешно в синхронном и диахронном аспекте были отражены в региональном атласе (Kolesnykov, 2016), а собственно зоны контакта разных (2-х и более) идиомов, зоны, где изучаемый идиом находится в доминирующем окружении других языков / диалектов.

Отдельной темой в исследовании таких микроареалов становится изучение языкового поведения, моделей переключения кодов многоязычных индивидов (Vikova, 2006), само индивидуальное многоязычие, модели которого еще требуют описания и картографирования, напр., многие албанцы из с. Каракурт Болградского района владеют албанским, болгарским (вследствие окружения диалектами болгарского языка), русским (как государственным при СССР и еще де-факто используемым локально в некоторых населенных пунктах Южной Бессарабии как языком межнационального общения) и украинским (государственным языком Украины). В некоторых болгаро-гагаузских селах наблюдается тоже четырехкомпонентное, но другое по составу полиязычие (болгарский, гагаузский, русский, украинский). Исследователи (Drozdovskij, 1962) отмечали, что и в 60-х годах XX века многие бессарабские украинцы, как, вероятно, и представители других этносов, еще неплохо владели румынским, который был, фактически, официальным языком на территории Буджака в периоды с 1956 по 1878 гг. и с 1918 по 1940 гг. Сейчас романский компонент полиязычия (румынский, русский, украинский) в полной мере присутствует лишь у местных молдаван и румын.

Интересные результаты могут дать также наблюдения над широкой вариантностью языковых явлений (материнских, заимствованных, трансформ и инноваций), иерархией вариантов (функциональной – сильная / слабая норма, коммуникативной – употребление разных диалектных норм в разных коммуникативных ситуациях), самооценкой черт как своих / чужих, что проявляется в противоречиях данных, которые дают разные приемы сбора материала. Так, украиноязычные жители сел, контактных с буковинско-подольским диалектным типом украинского языка, отвечая на вопросник, однозначно утверждают, что в их говоре отсутствует частица *май*, а потом в речи употребляют такую фразу: *спитайте в 'нейі / во'на май с'тарша / вона май 'біл'ше з'нає*. В с. Петровка Тарутинского района диалектоносители отмечают среди отличительных черт своего говора глагольные аналитически-личные / «перфектные» формы (*'булисті^е у нас / до'бавка до 'мови // сти / 'чулисті / 'бачилисті / 'булисті // це у нас*), однако, стремясь, чтобы их речь была понятна, свободно употребляют их в разговоре начинают только узнав, что эксплоратор знает их.

Целесообразным является изучение говоров ареала также в функциональном и коммуникативном аспектах (Kolesnykov, 2015), что не является самоцелью, а обусловлено социолингвистическими условиями бытования идиомов. Новый толчок этим подходам может дать изучение именно диалектной речи, языковых контактов, где (в диалектологии и социолингвистике) они до сих пор не применяются в достаточной мере, однако органичны и нужны, в частности, при анализе языковых инноваций и трансформаций «от форм к значениям и от значения к формам».

Как видим, наблюдения над языками ареала дают новые, довольно удивительные, порой невероятные факты. Такое количество метаморфоз, необычных трансформаций этноязыковых черт и разного рода инноваций действительно можно наблюдать лишь в лаборатории.

Результаты изучения языков ареала имеют выход и в практическое применение. В регионе лингвист имеет возможность наблюдать множество фактов, внимание к которым помогло бы выстроить эффективную и бесконфликтную языковую политику в полилингвальной Южной Бессарабии. Кроме локальной ценности в проведении языковой политики, говоры требуют изучения и в аспекте усовершенствования языковой политики страны в целом, реализации языковой политики в латеральных и других полилингвальных ареалах Украины и мира.

Еще один аспект исследования идиомов в регионе, имеющий выход в область практического применения – задача строительства, консолидации и примирения гражданского общества, ведь ареал, несмотря на его сложность и многокомпонентность, традиционно характеризуется как бесконфликтный (ср. LSLDR, 1994). В целом это справедливо, но понятно, что сложность и многокомпонентность предполагают противоречия, и ценность нашего ареала как раз и состоит в том, что, не смотря на такие локальные и спорадические разногласия, в том числе подогреваемые извне (за пределами Украины), удастся сохранить бесконфликтность. В этом плане имеем возможность наблюдать над потенциальными микроразногласиями (этническими, субэтническими, языковыми), моделировать конфликты и искать пути их недопущений, решений. Однако тут остро встает вопрос этики: до каких пределов можно экспериментировать. Конечно, недопустимо искусственно создавать или разжигать конфликты в ареале, но лишь наблюдать над уже существующими, не всегда простыми, отношениями.

Решая задачи поиска мер проведения эффективной и бесконфликтной языковой политики в регионе, отмечаем несколько микросюжетов, отражающих направления работы и требующих отдельного пристального внимания. Прежде всего, это борьба с мифом, что Бессарабия – русскоязычная / румыноязычная область Украины. Подобное утверждение, поддерживающееся в шовинистически настроенных кругах России и

Румынии, стимулирует развитие сепаратистских настроений в регионе. Будучи неправдивым (статистика 2001 года (SS, 2001a), соотносимая с информацией о языковом составе (SS, 2001b) и с данными предыдущих переписей, в частности советской 1989 года, свидетельствует о таком соотношении основных этносов в ареале украинцы – 40,2 %, болгары – 20,9 %, русские – 20,2 %, молдаване – 12,7 %, гагаузы – 4 %), оно опирается на своеобразный «солипсизм» носителей того или иного языка и имеет логическую основу – перенесение частного на общее на основе выдающейся роли частного, проецируя локальную языковую ситуацию на больший ареал. Это работает приблизительно так: Измаил – неофициальная столица Бессарабии – он русскоязычный, значит и вся Бессарабия русскоязычна. Между тем, известно, что языковая ситуация в городах, торговых и культурных центрах может быть очень динамична в связи с высокой ценностью в них официального языка (для Бессарабии при Османской империи – турецкого, при румынах – румынского, при Российской империи и СССР – русского, а в независимой Украине – закономерно – украинского) и именно Измаил (и некоторые другие пункты на карте Бессарабии) при разумной языковой политике Украины должен стать точкой, где эта политика должна быть применена с достаточной жесткостью (но не грубо, не насильственно), с наибольшей тщательностью, точностью, продуманностью и, соответственно, эффективностью.

Многолетние наблюдения в ареале дали нам четкое понимание того, что при правильной, сбалансированной языковой политике контакт языков не мешает их развитию, а наоборот, стимулирует его. В этой связи первостепенными задачами работы лингвистов в регионе являются: ослабление негативных факторов развития идиомов; выработка правильного понимания говорящими объективной языковой ситуации в регионе; расширение национально-украинского полиязычия; культивирование ценности национального языка как фактора этнической самоидентификации и важной составляющей культурной палитры региона, а государственного – как идентификатора государственной принадлежности, престижного идиома, средства достижения личных социально-экономических успехов граждан; борьба с отождествлением диалекта и суржика. И, конечно, все вышеперечисленные задачи могут быть эффективно решены при условии дальнейшего изучения языков и диалектов в регионе, в частности, по намеченным направлениям, с целью получения новых данных, контроля над динамикой языковой ситуации, корректировки мер языковой политики.

Филологи ареала много работают в обозначенных направлениях. В частности, это фундаментальные государственные научные проекты Измаильского государственного гуманитарного университета (ИГГУ), в том числе, совместно с НАН Украины: в 2008-2010 гг. – «Литературные языки и диалекты междуручья Днестра и Дуная» (НГР №0108U003100); в 2016-2018

гг. – «*Описание и картографирование междуречья Днестра и Дуная – новой европейской модели бесконфликтного взаимодействия разносистемных языков и диалектов*» (НГР № 0116U004158), руководитель проекта – директор Института украинского языка НАН Украины проф. Гриценко П. Е., ответственный исполнитель – Колесников А. А. Сегодня действует проект «*Региональная литература и живопись этнических групп Украинского Придунавья как средство формирования коллективной идентичности локального социума*», среди исполнителей которого – члены кафедры украинского языка и литературы (заведующий – Колесников А. А.) – проф. Райбедюк Г. Б. и др.

На 2020 год запланирован другой совместный с Институтом украинского языка научный проект, имеющий не только фундаментальный характер, но и важное образовательное, социально-политическое значение, возможность практического применения результатов в сфере государственной политики «*Огосударствление украинского языка как средства межнационального общения в полиязычной и полидиалектной среде*».

Среди результатов завершено в 2018 году проекта – атласы, вопросники, монографии, фонотеки и текстотеки диалектных материалов, а также рекомендации касательно проведения национальной языковой политики, полноформатного огосударствления украинского языка в таких мультилингвальных регионах, как Южная Бессарабия. В частности, его результатом стал «*Проект мероприятий ИГГУ в отношении укрепления государственного статуса украинского языка*», одной из рекомендаций которого было открытие Центра украинского языка и культуры при ИГГУ (Приказ № 22 от 11 февраля 2019 г.), координатор его – доцент кафедры украинского языка и литературы Делюсто М. С., которая, работая на общественных началах, уже сделала немало: создано положение о структурном подразделении (см. сайт ИГГУ), проводятся бесплатные курсы украинского языка для различных категорий населения, популяризация украинского языка, предоставляются консультации гражданам по широкому спектру языковых вопросов, изучаются особенности преподавания украинского языка для национальных меньшинств и предоставляются консультации учителям национальных школ по этому вопросу, разрабатывается научный проект «*Огосударствление украинского языка как средства межнационального общения в полиязычной и полидиалектной среде*» и др.

Закономерно, что ИГГУ как образовательный центр Южной Бессарабии, единственное государственное высшее учебное заведение в регионе, учитывая необходимость полноформатного огосударствления украинского языка в этом полиязычном ареале, расширения сфер его использования в соответствии с конституцией Украины, консолидации общества,

формирования и защиты национального информационно-языкового пространства, усиления национальной безопасности и суверенитета Украины, должен и в дальнейшем поддерживать обозначенные инициативы украинистов, принимать на себя функции научного, образовательного, информационного центра развития государственного языка в образовательных учреждениях юга Одесщины, способствовать сохранению и развитию украинского языка в регионе.

References

- AUL (1984-2001). *Atlas of the Ukrainian language/Атлас української мови*. Київ: Наукова думка.
- Bernshstein (2000). *On the problems of Dialectology and Linguistic Geography/Из проблематики диалектологии и лингвогеографии*. Москва: «Индрик». 352 с.
- Vikova (2006). *The Types of Language Behavior in multi-lingual situation/Типи мовної поведінки в мультилінгвальній ситуації*. Київ. 20 с.
- Bilaniuk, L. (2005). *Contested tongues: Language politics and cultural correction in Ukraine*. Ithaca and London: Cornell University Press, p. 230.
- Delyusto, M. (2010). *The grammar of a dialect on the basis of dialectal text/Грамматика говірки у світлі тексту/Київ*. 235 с.
- Delyusto, M. (2016). *The principles of questionnaire for "Multi-lingual atlas of dialects spread between the Danube and the Dniester rivers"/ Засади укладання питальника до «Мультилінгвального атласу межиріччя Дністра і Дунаю»/Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства/Modern problems of linguistics and literature*. Випуск 21. Ужгород. С. 73–77.
- Derzhavin, N. (1914). *The Bulgarian colonies in Russia (Tavriya, Herson and Bessarabia regions)/Болгарські колонії в Росії (Тавричеська, Херсонська і Бессарабська губернії)*. Софія: Мартилен. 294 с.
- Drozdovskij, V. (1962). *The Ukrainian dialects of the Bessarabia Seaside/Українські говори Бессарабського Примор'я*. Київ. 27 с.
- Hrytsenko, P. (1984). *Modeling of system of dialectal vocabulary/Моделювання системи діалектної лексики*. К.: Наукова думка. 228 с.
- Hrytsenko, P. (2006). *The area between the Danube and the Dniester rivers on the basis of the linguistic geography (state and priority)/Межиріччя Дністра і Дунаю у світлі лінгвістичної географії (стан і пріоритети) / Scientific bulletin of Izmail State Liberal Arts University/Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету*. Ізмаїл. Вип. 21. С. 3–16.
- Hrytsenko, P. (2012). *Dialects in modern language situation/Диалекты в современной языковой ситуации Украины/Studies in Slavic Dialectology/Исследования по славянской диалектологии*. Москва. Вып. 15. С. 18–42.
- Kasatkin, L. (2005). *Russian Dialectology/Русская диалектология*. Москва: Издательский центр «Академия». 288 с.
- Kolesnykov, A. (2016). *Atlas of the Ukrainian dialects spread between the Danube and the Dniester rivers/Атлас українських говірок межиріччя Дністра і Дунаю*. Ізмаїл: ІРБІС. 168 с.

Kolesnykov, A. (2015). *The morphology of Ukrainian South-Bessarabia dialects: origin and dynamics*/Морфологія українських південнобессарабських говірок: генеза і динаміка. Ізмаїл: СМІЛ. 676 с.

Kolesnykov, A. (2018a). From the observations of correlation of ethnic and lingual features in multilingual area (on the material of the Ukrainian South-Bessarabia dialects)/Із спостережень над кореляцією етнічних і лінгвальних рис у полімовному ареалі (на матеріалі українських південнобессарабських говірок)/Scientific Notes of Vinnytsia Mykhailo Kotsiubynskyi State Pedagogical University. Series: Philology (Linguistics)/Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету. Серія: «Філологія (мовознавство)». Вінниця. Вип. 26. С. 115–126.

Kolesnykov, A. (2018b). The Ukrainian Southern Bessarabia Dialects of Artsyz District Odessa Region. *Journal of Danubian Studies and Research*, Vol. 8, no 2. Galati, pp. 468–479.

Mukan, A. (1960). *The Ukrainian Higher Danube dialects. Phonetic and grammatical peculiarities*/Українські наддунайські говірки. Фонетико-морфологічні особливості. Глухів. 291 с.

Zhygmunskij, V. (1976). *General and German linguistics*/Общее и германское языкознание. Ленинград: Наука. 696 с.

LSLDR (1994). *Language Situation in Lower Danube region of Odessa district of Ukraine: 1993-1994 years*/Языковая ситуация в Придунайском крае Одесской области Украины: 1993-1994 годы. Измаил: ИДПИ. 68 с.

SS (2001a). State Statistics Committee of Ukraine/Державний комітет статистики України. Access Mode: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/odesa/>.

SS (2001b). State Statistics Committee of Ukraine/Державний комітет статистики України. Access Mode: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/language/odesa/>.

UM (2007). *The Ukrainian Language. Encyclopedia*. К.: Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана. 856 с.

UP (2019). *The Ukrainian Orthography*/Український правопис. Access Mode: <https://mon.gov.ua/storage/app/media/zagalna%20serednya/05062019-onovl-pravo.pdf>.